

КАФЕДРА

ИГ Ex Libris (инт. к Независимой) - 2005 - 16 июня - с. 3

Мы — поименно — вспомним всех, кто поднял руку...

Виктор Некрасов о Борисе Пастернаке

Александр Парнис

17 июня исполняется 94-я годовщина со дня рождения В.П. Некрасова (1911–1987). Писатель прожил в эмиграции тринадцать лет, выпустил шесть книг, но преимущественно занимался журналистикой. В этом жанре он снова нашел себя. В одном из интервью, данном за два года до смерти, говорил: «Я здесь

клятых, удрученных этой выворотной, отвратной церковностью, прохаживался между светским человеком. Солдат, мушкетер, гуляка Некрасов. Божья милость, пушкинское дыхание слышалось в этом вольном зевке и веселом бохоульнике. Член Союза писателей, недавний член КПСС, исключенный, вычеркнутый из Большой энциклопедии, он носил с собой и в себе этот вдох свободы. Человеческое в

историю с изданием в Италии романа «Доктор Живаго». Об этом он сам рассказывал в публикуемой статье о Пастернаке.

Интересное свидетельство о непосредственной реакции Некрасова на «старую» публикацию стенограммы исключения Пастернака из Союза писателей, которую он по каким-то причинам раньше не видел, приводит актер Лев Крутой в воспоминаниях «Он ушел непобежденным», напечатанных в «Русской мысли» 2 сентября 1988 года: «Прошлой весной, прийдя к Некрасовым, мы застали его какого-то растерзанного, не совсем трезвого (хотя последние годы Виктор Платонович не часто позволял себе выпить). Он вышел к нам босой, чего никогда раньше не бывало, в руках держал с десяток страниц. «Ну как он мог это сделать? — повторял со слезами Некрасов, даже не ответив на наше «здравствуйте». — Ну эти (он перечислил ряд одноименных фамилий известных литераторов), эти — понятия, эти — ханы, но Сергей Сергеевич Смирнов! — как он мог топтать Пастернака да еще вести это собрание! Нет, вы послушайте!» — и Виктор Платонович начал читать нам стенограмму заседания писателей, требовавших изгнания Пастернака из страны».

В юбилейном очерке об А.Д. Сахарове, напечатанном в 1981 году, Некрасов писал: «Я отношусь к той редкой категории людей, которые не любят, даже побаиваются знаменитостей... И кусая теперь локти, так и не познано — а ведь мог, мог же — ни с Борисом Пастерна-

На похоронах Анны Ахматовой. Комарово, 1966 г.

Фото В.Брягина из архива А.Парниса. Публикуется впервые.

Ну, как он мог это сделать? — со слезами повторял Некрасов, даже не ответив на наше «здравствуйте»

написал больше, чем за десять лет в Союзе».

Некрасов внимательно следил за всем, что происходило на родине и сразу же реагировал на это. Статья «Уничтожение и реабилитация Бориса Пастернака» автора «В окопах Сталинграда» — а это была одна из последних его статей — стала неожиданным образом пророческой. В определенной степени пафос этой статьи можно отнести к нему самому и к его судьбе. Несомненно, когда Некрасов писал об исключении Пастернака из Союза писателей, о травле поэта, организованной его соратниками по цеху, он проецировал ее на свою «историю», на свою травлю, которая с небольшими интервалами продолжалась более десяти лет, и на свое изгнание из страны.

Эта статья была напечатана 12 июля 1987 г. в нью-йоркской газете «Новое русское слово». Скорее всего, работая над ней, Некрасов уже знал о своей неизлечимой болезни, поэтому он закончил ее откровенными и пронзительными словами: «Авось мы доживем до первых номеров «Нового мира» за 1988 год, в которых, по словам Залыгина, будет опубликован «Доктор Живаго». Это будет хотя и запоздалый, но большой, настоящий праздник». Увы, Некрасов не дождал до этого праздника, он скончался через 53 дня — 3 сентября того же года.

Наиболее точно сформулировал «историю» отношений Некрасова с советской властью Андрей Синявский в так называемом «Прижизненном некрологе»: «И посреди феодальной социалистической литературы первая светская повесть — «В окопах Сталинграда». Странно, что среди наших писателей, от рождения про-

нем удивительно соединялось с писательским, и он был человеком пар экзальси!.. Не лучше ли было там, не проще ли было бы в Киеве и окончить дни, отмеченные «Литературной газетой»?

Куда лезешь? Зачем летишь? Глоток воздуха. Последний глоток свободы».

Александр Галич в знаменитой песне «Памяти Б.Л. Пастернака» не без иронии упоминает киевских «письменников», которые «на поминки его поспели». Никто из них не выразил своего протеста против исключения поэта из Союза писателей, и только один из них, друг автора этой песни, Виктор Некрасов, предпринял какие-то попытки вмешаться в

Виктор Некрасов у Стены Плача. 1981 г.

Из архива М.Немиrowsкой. Публикуется впервые.

ком, ни с Анной Ахматовой (в первый и последний раз встретился с ней в Никольском соборе в Ленинграде, навеки ускользавшей). Действительно, он имел такую возможность — он был хорошо знаком с сыном Пастернака Евгением Борисовичем, а с Анной Ахматовой находился даже в дальнем родстве — его матушка Зинаида Николаевна была из того же рода дворян Мотовиловых, но по тем или иным причинам не решился на знакомство. Об этом он сам рассказывал в очерке «Памяти Анны Ахматовой».

Кроме того, его тетка С.Н. Мотовилова (1881–1966) в 1918 г. работала вместе с Пастернаком в библиотечном отделе Наркомпроса под началом В.Я. Брюсова. Она, как и Пастернак, работала эмиссаром отдела и рассказывала об этом в мемуарах «Минувшее», которые были напечатаны в «Новом мире» за 1963 год (№ 12). Однако все упоминания о Пастернаке в этих мемуарах были купированы, так как в то время цензура не позволяла упоминать его

имя. В 1956–1957 гг. Мотовилова затеяла с Пастернаком переписку, в период разгара травли его из-за романа. В одном из писем к Мотовиловой он сообщал: «...я написал Вам большое письмо об этой стороне моей судьбы, слишком подробное, наверное, по Вашей вине,

переписки с Мотовиловой, была кратким эпизодом в его жизни, но эта работа неожиданным образом отразилась в творчестве поэта. Эмиссары Наркомпроса, в числе которых были Пастернак и Мотовилова, выдавали «охранные грамоты» деятелям науки, культу-

исследователи не связывали этот факт биографии поэта с метафорическим названием книги. Этим названием Пастернак утверждал право художника на свободу и независимость творчества.

Именно весной 1957 года, когда Пастернак переписывался с Мотовиловой, Некрасов в Италии встретился с первым издателем «Доктора Живаго» Фельтринелли, который передал через него письмо, адресованное Алексею Суркову. Некрасов дважды беседовал с Сурковым и пытался как-то повлиять на кампанию, развязанную против Пастернака. Об этом рассказывал сам автор «Окопов» в публикуемой ниже статье, а со слов Некрасова вспоминал в мемуарах о нем поэт Лев Озеров.

Статья Некрасова «Уничтожение и реабилитация Бориса Пастернака» — это не только статья о судьбе поэта, но и в определенной мере это рассказ о себе, о надежде на собственную реабилитацию, которой он так или иначе ожидал.

Я отношусь к той редкой категории людей, которые не любят, даже побаиваются знаменитостей...

потому что в такие подробности завел меня порыв моей благодарности Вам».

Через много лет я опубликовал четыре письма Пастернака к Мотовиловой в сборнике «In memoriam» (2000). Работа Пастернака в 1918 г. в библиотечном отделе Наркомпроса, ставшая поводом для его

ры и искусства для освобождения от реквизиции государством их библиотек и коллекций, имеющих историко-культурное значение. Канцелярско-правовой термин превратился у Пастернака в метафору и стал названием его автобиографической книги «Охранная грамота» (1931). Ранее

Уничтожение и реабилитация Бориса Пастернака

Боже мой, как все забывается. Отодвигается куда-то далеко, заслоняется чем-то новым, зарастает травой забвения. Сейчас я ощутил это особенно остро, прочитав в газете «Монд» о полной реабилитации Бориса Пастернака. Открывается в Перелескинском музее, выпускается полное собрание сочинений, 1990 год предложено объявить голом Пастернака!

Запоздалое, очень запоздалое. Но какое радостное событие!

И тут же, обрадовавшись, я немедленно с горечью возвратился к тем постыдным дням тридцатилетней давности. Тут же достал и прочитал стенограмму общесоюзного собрания писателей, происшедшего 31 октября 1958 года. Думаю, что нормальному советскому человеку осуществить это желание просто невозможно. Но здесь я легко нашел 83-й номер «Нового журнала» за 1966 г., сделал фотокопию с текста стенограммы, которую редакция с охавшей получила из Советского Союза, и прочел ее. Пока читал, было ощущение, что меня окутали в бочку с дерьмом. До сих пор отмыться не могу.

Прошло без малого 30 лет, а в памяти осталось общее чувство стыда, который нас всех тогда охватил. А из деталей — что

председательствовал на собрании вроде бы приличный С.С. Смирнов и выступал всеми нами любимый Б.Слуцкий, который потом всю жизнь каялся. Сейчас же передо мной полная картина, мерзкая, тошнотворная, которую, как это ни странно, но требуется восстановить.

Борису Пастернаку, дескать, кое-кто незаслуженно курит фимиам, сам роман «Доктор Живаго» — просто слабая книга, но философия ее антисоветская, а автор люто ненавидит Октябрьскую революцию

Начну с того, что С.С. Смирнов не просто вел собрание, а выступил с достаточно пространными докладами о предательстве Пастернака, а за ним выступили еще 13 человек, каждый из которых считал своим долгом напирать на это слово — «предатель!» Я перечислю имена этих людей: Л.Ошанин, К.Зеллинский, В.Герасимов, Вик. Перцов, А.Безыменский, Ан. Софронов, С.Антонов, Б.Слуцкий, Г.Николаева, В.Солоухин,

С.Баруздин, Л.Мартьянов, Б.Половой. И еще столько же записало, как сообщил собранию С.С.Смирнов, но за поздним временем выступить всем не удалось. Это ни в коей степени их не облегло, так как — я думаю — они бы говорили, дай им трибуна, то же, что и предыдущие ораторы, то есть постыдные

противно. Но о тех, кто не краснея дожил до сегодняшнего дня — а их из выступавших осталось только пятеро, — несколько слов все же скажу. Ко всему этому нужно добавить, что незадолго до этого собрания состоялось объединенное заседание президиума правления Союза писателей СССР, Бюро оргкомитета

только группой московских литераторов, и решено было созвать сегодняшнее совещание, чтоб прозвучал голос всего коллектива московских писателей. Кстати, С.С.Смирнов огласил на собрании фамилии авторов письма, но в стенограмме, к сожалению, сказано только в скобках — «оглашает список».

Так что же та пятёрка прогрессивных, которая дожила до сегодняшнего дня? Перечислю — Л.Ошанин, А.Софронов, С.Антонов, В.Солоухин, С.Баруздин. Лев Ошанин выступил первым в тот памятный день и говорил больше всех. Не уступил ему по пространности своей речи и Корнелий Люцианович Зеллинский, говоривший, что сейчас на Западе, откуда он только что приехал, имя Бориса Пастернака — это, мол, синоним войны (!). Вслед за ним Александр Безыменский, старый лысый комсомолец, выразил восторг выступлением кагэбэшника Семи-частного, тогда первого секретаря комсомола, на массовом митинге во Дворце спорта. Когда он сравнил Пастернака сначала с паршивой овцой, а потом со свиньей — это вызвало, мол, овации у многотысячной комсомольской аудитории. Выступавший вслед за ними А.Софронов беззастенчиво признался, что «Доктора Живаго» не читал, тем

не менее свое выступление закончил словами: «Не хочет быть советским человеком, советским писателем — вон из страны!»

За ним вышел на трибуну здравствующий ныне Сергей Антонов, который тоже закончил требованием лишить Б.Пастернака советского гражданства. Говорил он и о том, что покойный Нобель наверняка перо-рарачивается в гробу, узнав, какого негодия достались завещанные им деньги. И о том, что, получив от московских писателей письмо, где было сказано, что он стреляет по своим, Пастернак просто перетащил свою пушку за границу и стал палить оттуда.

Вообще общий тон всех выступлений задан был докладом С.С. Смирнова. Борису Пастернаку, дескать, кое-кто незаслуженно курит фимиам, сам роман «Доктор Живаго» — просто слабая книга, но философия ее антисоветская, а автор люто ненавидит Октябрьскую революцию. И все в разных выражениях говорили одно и то же.

Ныне здравствующий Владимир Солоухин поставил вопрос о том, не следует ли нынешнему внутреннему эмигранту Б.Пастернаку стать по-настоящему эмигрантом? «Вот тут-то и будет для него настоящая казнь», — сказал он. — Он там ничего не сможет рассказать

интересного. И через месяц его выбросят, как съеденное яйцо, как выжатый лимон. И тогда это будет настоящая казнь за предательство, которое он совершил».

Короче всех, нужно сказать, было выступление С.Баруздина, нынешнего редактора «Дружбы народов». Короткое, но не менее энергичное. «Есть хорошая русская поговорка, — сказал он, — собачьего нрава не изменишь! Мне кажется, что самое правильное — обратиться Пастернаку из нашей страны поскорее. И это сказал человек, который печатает сейчас в своем журнале «Детей Арбата» Рыбакова, где так много говорится о студентах, клеветниках и доносящих друг на друга.

Под самый занавес собрания тьякнула со своего места престарелая Вера Инбер. Уцепившись за фразу из резолюции, зачитанную Лесючевским: «Давно оторвавшийся от жизни и народа, самовлюбленный эстет и декадент», она потребовала исправления — эстет и декадент это чисто литературное определение. Это не включает в себе будущего предательства. Это слабо сказано».

Вот так протекало и закончилось единогласным принятием резолюции это позорное, но, увы, действительно историчес-

кое собрание. Многим хотелось бы его забыть. Но такое не забывается. Не настало ли время заговорить об этом в полный голос? И в первую очередь тем, кто тогда не постеснялся это сделать.

В завершение скажу, что весьма косвенное отношение к «делу» Пастернака имел и я. Весной 1957 г., когда я был в Италии, меня пригласил к себе издатель «Доктора Живаго» Фельтринелли и, прочавши мое письмо, адресованное Алексею Суркову как одному из руководителей Союза писателей. В этом письме издатель писал, что печатая роман Пастернака, он вовсе не считает это недружественным актом по отношению к Советскому Союзу, и выражал надежду, что оригинал (?) — А.П. вскоре увидит свет на родине автора.

Письмо я Суркову передал. Последовавший за публикацией романа в Италии (в ноябре 1957 г.) год молчания внушил какие-то надежды. Они не оправдались. Авось мы доживем до первых номеров «Нового мира» за 1988 год, по словам Залыгина, будет опубликован «Доктор Живаго». Это будет хотя и запоздалый, но большой, настоящий праздник.

Виктор Некрасов
Публикация
А.Е. Парниса

20

20